

Русское население составляет 72, 8 % жителей Ульяновской области.

Первое появление русских людей на территории современной Ульяновской области относится к X – XII вв. С присоединением Казанского и Астраханского ханств к Русскому государству московское правительство начинает активное заселение Среднего Поволжья, в том числе и Симбирского.

Основные занятия русских – земледелие, огородничество, садоводство, животноводство.

Наиболее древние типы русских симбирских селений – слободы, села, деревни, сельца. В слободах жили “служилые люди”, ремесленники (Конная, Подгорная, Карлшская и др.) Впоследствии некоторые слободы вошли в состав городов, слились с ними.

Сельская усадьба делилась на две части: двор с надворными постройками и “зады”.

Дома строили преимущественно из круглого леса, окна окаймлялись наличниками, ставнями, украшались резьбой. Крестьянские дома крылись соломой, дранкой, тесом.

Мужской костюм русского населения составляли нательная рубаха-косоворотка, узкие холщовые или бумажные штаны; из верхней мужской одежды широко были распространены стеганые поддевки, кафтаны, зипуны, армяки, тулупы, шубняки, чапаны.

В комплект женской одежды с середины XIX века входили: рубаха, косой распахнутой сарафан на лямках. В качестве праздничной одежды края употреблялись душегрейки, епанчи. Широкое распространение получил прямой (московский) сарафан с передником.

Старинные женские головные уборы (кокошник, кичка, сорока) просуществовали до конца прошлого века. Позже используются волостники, платки, шали. Из мужских головных уборов наиболее употребительными были барашковые шапки, катаные из шерсти “грешнезники”, малахай.

Основной обувью в русской деревне были лапти. Распространены также ступни, поршни, кожаные сапоги “в гармошку”, ботинки с резинками, валенки.

Как у всех народов, у русских выделялась ритуальная и праздничная пища. Особым традиционным блюдом были яйца и яичница. Яйцо являлось языческим символом бессмертия и воскресения. На свадьбу употребляли щи, холодец, пекли сдобный пирог с курицей – курник. Его обрядовая роль была связана с представлением о курице как носительнице материнского начала. На крестинах подавали пшеничную кашу. В качестве поминальных блюд обязательными считались щи, лапша, блины, кутья.

Народное изобразительное искусство у русских представлено резьбой, росписью, вышивкой, тканьем, плетением кружесов. Богатым и разнообразным было устное народное творчество.

Русский

В собрании Ульяновского Художественного музея хранятся произведения русской майолики – декоративные тарелки, вазы и кувшины, созданные русскими мастерами в конце XIX – начале XX столетия. Тема этих вещей – искусство русского Средневековья – рукотворное, многодельное, замысловатое, в котором заключена сама сказка с жар-птицами и русалками, с говорящими полевыми травами и цветами.

XVII век обладал особой притягательностью в глазах мастеров конца прошлого столетия. Увлекались древнерусскими эмальями настолько, что они применялись даже в изде-

стиль

лиях из хрусталя и фарфора. Таковую же степень популярности эмали снискали в керамической посуде – декоративных вазах, тарелках и чашах.

Тематика декоративных тарелок этого времени поражает своим разнообразием. Среди изображений можно встретить героев русских былин и сказок, прославленных военных и государственных деятелей и, в первую очередь, портреты русских царей, “столпов русской государственности”. Как правило, это были вещи сувенирного характера, отмеченные нарочито русскими чертами.

Круглое блюдо с двойным портретом царей Петра и Иоанна вновь относит нас к XVII веку. Изобразительным источником, на который опирается мастер, является редкая портретная гравюра конца XVII века. Невольно зритель обращается к страницам русской истории. Явление удивительное и парадоксальное – троевластие на Руси – становится сюжетом изображения. Четырнадцать лет на русском троне сидели два брата: Петр и Иоанн (отец будущей императрицы Анны Иоанновны). В 1682 году братья были венчаны на царство, 1685 годом они отбыли в заграничное путешествие. Во Франции гравированы два похожих портрета, второй из них, где братья представлены погрудно, в овальной раме, использовал мастер-керамист. Портрет Петра вполне узнаваем: заметить можно и поразительное сходство черт лица будущего первого российского императора с его позднейшими портретами. Правильный овал лица, на котором выделяются очень характерные, слегка навывкате выразительные глаза, подетски пухлые, но плотно сжатые губы. Ивану здесь – 21 год, а Петру – 13. По сравнению с малолетним Петром, Иоанн, на портрете в профильном повороте представленный, выглядит болезненным и слабым, что тоже соответствовало исторической реальности.

Однако, принцип исторической достоверности иногда отступал на дальний план в пользу достижения нужного эффекта от произведения. Пока не найден изобразительный источник портрета, представленного на другой “царской” тарелке с надписью, которая гласит, что перед нами царь Василий Иоаннович – отец Ивана Грозного. Вполне возможно, что мастер “синтезировал” образ Василия III, взял за основу немногие сохранившиеся его портретные изображения. В данном случае очевидна высокая цель мастера – выражение Русской идеи через идею русской государственности. Эта цель здесь гораздо важнее изображения конкретных черт внешности исторического лица. Облик царя на тарелке очень условен – с правильными чертами. В действительности же лицо Василия III отличалось неповторимым и ярким своеобразием. Если судить по сохранившимся редким изображениям и описаниям внешности, его лицо несло в себе больше восточных, если быть точнее, греческих черт, нежели русских (так как его матерью являлась Зоя (Софья) Палеолог – племянница

последнего византийского императора). Своеобразной красотой отличался и внук Софьи, сын Василия, Иоанн Грозный. Итак, на всех портретах Василия Иоанновича мы видим выразительное своим благородством черт лицо с характерным “орлиным” носом, что совсем не отвечает изображению на тарелке. Все красноречивые атрибуты православного государя засвидетельствованы здесь с протокольной точностью. Представлен он при бороде и усах, в двухъярусной шапке Мономаха, унизанной драгоценными камнями в бармах и с крестом на груди. В руках у него Скипетр и “царское яблоко” – держава. Подчеркивает нарядную пышность царского изображения буквенная вязь старославянской надписи, которая играет роль не только пояснения к основному изобразительному тексту, но и выполняет роль орнаментального дополнения к пышно украшенному рельефным узором борту блюда. Тарелка отмечена дробностью цвета и форм. Многоцветный рельеф способствует общему впечатлению богатства и роскоши, что отвечало общим представлениям XIX века о допетровской Руси. Такое новое средство выразительности, как цветной рельеф, помогло искусно и тонко имитировать в керамике другие материалы.

О загадочной птице – Пеликане может рассказать следующее майоликовое блюдо, изображающее птицу с птенцами и надписью (надпись на старославянском – неясны). Образ птицы в искусстве – один из самых древних. Птица, кормящая птенцов, всегда обозначала материнство. Символом самоотверженности матери считался образ птицы, которая кормит птенцов своей кровью. Вспоминаются при этом рассказы о “твари преудивительной” Пеликане “ибо всякий знает, что

птенцов они кормят кровью из груди своей”, и со времен античности это существо было окутано всевозможными поверьями. На Западе и на Востоке его образ стал обозначением духовной силы и жертвенной любви матери. В христианстве Пеликан – это сам Христос, искупивший своей кровью грехи человечества – своих духовных детей. Не случайно, что русское искусство XVII-XVIII веков так активно использовало этот образ – в качестве эмблемы его часто можно встретить в литературных произведениях эпохи барокко, а также в изобразительном и прикладном искусстве: на медалях и на майолике, на картинах, на игральных и географических картах, на кубках и блюдах.

Каждое из этих ярких произведений знаменовало уход от повседневной рутины, от прозы жизни в искусстве в великолепное и праздничное многообразие цвета и форм. Художники творили сказку, создавали Русский стиль в искусстве. Вероятно, поэтому все, что было создано в это время, столь близко душе русского человека, равнодушного к Прекрасному.

Вера Малкович